

УДК 94
ББК 63.3(2)

НЕКОТОРЫЕ НАУЧНЫЕ ИТОГИ КОНФЕРЕНЦИИ «ЗЕМЛЯ И ВЛАСТЬ В ИСТОРИИ РОССИИ»

11–12 декабря 2018 г. в Московском педагогическом государственном университете прошла Всероссийская научная конференция памяти профессоров А.Г. Кузьмина, В.Г. Тюкавкина и Э.М. Шагина. Их ученики и последователи из разных регионов страны почтили память выдающихся преподавателей МГПИ-МПГУ, составивших целую эпоху не только в истории вуза, но и в отечественной исторической науке и педагогике. Участие в конференции приняли более 120 ведущих историков страны из Москвы и более чем 20 регионов РФ.

Директор Института истории и политики МПГУ А.Б. Ананченко отметил «крайнюю важность проблемы нравственности в истории, бывшую столь актуальной для наших учителей. Тема товарищества и правды — именно это и отмечало А.Г. Кузьмина, В.Г. Тюкавкина и Э.М. Шагина в отношениях между собой, в отношении к ученикам и в отношении к исторической истине, ибо нравственная часть в истории очень важна, соединяя два таких понятия как «истина» и «правда». Необходимо формировать положительное отношение к истории и брать пример с наших учителей, что, в свою очередь, поможет нам сегодня нести знания и нравственные ценности нашим ученикам. Очень хочется передать дальше тот высокий уровень знания и духовности, свойственный нашим учителям».

В ходе дальнейшего пленарного заседания прозвучало несколько значимых докладов, в которых были представлены основательные итоги научных изысканий целого ряда известных ученых России. Так, профессор Липецкого государственного педагогического университета доктор исторических наук В.В. Фомин представил оценку вклада А.Г. Кузьмина в отечественную историческую науку, его методики в изучении летописания и варяго-русского вопроса. «Уникальность Аполлона Григорьевича состояла в хорошем знании и исторической науки, в том числе зарубежной, и философии, что позволяло ему рассматривать проблемы и с точки зрения гносеологии, и узко профессионально. В своих трудах, посвященных изучению начальных этапов древнерусского летописания А.Г. Кузьмин доказывал необходимость использования, наряду с традиционным текстологическим анализом, анализ исторический — выяснение идейного содержания летописей, к которому лишь в конце жизни стал склоняться наш знаменитый летописец А.А. Шахматов. Позицию Кузьмина в деле разработки истории летописания пытались оспорить в 1973 г. в ходе дискуссии, шедшей на страницах академических журналов “Вопросы истории” и “История СССР”, тогдашние “тяжеловесы” науки

275

Л.В. Черепнин, Д.С. Лихачев, В.Л. Янин и Я.С. Лурье. А включившийся в дискуссию в 1974 г. такой авторитет, как А.А. Зимин, предложил подход Кузьмина к изучению летописей “решительно” отбросить, т.к. он “тянет нашу науку назад”, и обвинил его в непростительных, с точки зрения марксистской науки, грехах: что он не стремится “понять классовую и политическую сущность летописания” и т.п. Таким образом, была предпринята попытка перевести научный разговор в политическую плоскость». Кузьмин, в совершенстве владея текстологическим и историческим методами, показал, что схема летописания Шахматова-Лихачева не соответствует историческим реалиям.

Считая, что «вопрос об именах летописцев имеет весьма ограниченное значение» и что гораздо важнее понять, в каких общественных кругах они вращались, чьи интересы выражали, Кузьмин убедительно показал непричастность агиографа Нестора к созданию ПВЛ. В целом, как подытоживал историк, летописание, будучи одной из форм выражения общественного сознания, на протяжении столетий представляло собой арену активной и напряженной борьбы идей и концепций. Изучение летописания логично привело Кузьмина к занятию сложнейшим вопросом об истоках Руси, причем вначале именно в источниковедческом аспекте. И первым шагом на этом пути стало опровержение им общепринятого взгляда на Сказание о призвании варягов как новгородский памятник. В 1970 г. в условиях тотального господства в советской науке норманизма, выдаваемого за «советский анти-норманизм», Кузьмин приступил к конкретной разработке варяго-русского вопроса. Будучи прекрасным знатоком источников, многие из которых до него или не брали в расчет или неверно трактовали, он установил, во-первых, что «скандинавское происхождение „варягов“ не может быть обосновано данными русских летописей». А это в корне подрывает и филологические построения норманистов. И прежде всего, конечно, объяснение ими имени «Русь» из «руотси», коим финны называют шведов. В данном случае надлежит привести слова академика О.Н. Трубачева, сказанные в 1997 г., что «Скандинавская этимология для нашего Русь или хотя бы для финского Ruotsi не найдена». Поиски истоков Руси, завершившей создание государства у восточных славян, привели Кузьмина, к выводу, что русская история не ограничивается Киевской Русью и что до нее и параллельно с ней существовали другие русские образования, на что указывают многочисленные иностранные источники, впервые в науке систематизированные ученым (и в 1986 г. опубликованные как «Сведения иностранных источников о Руси и ругах»). Причем, подчеркивал историк, «весьма примечательно, что саги ни разу не помещают “Русь” в Скандинавию».

Констатируя факт, что имя «русь» почти повсюду вытесняет название руги, Кузьмин сосредоточил внимание на этом народе, отмечая, что руги-русь не были ни славянами, ни германцами, и относил их к вендо-герульским племенам, ассимилированным славянами примерно в VI–IX веках.

Сам процесс становления Русского государства ученый рассматривал через призму взаимодействия фактора внутреннего и фактора внешнего, ука-

зывая, что в процессе вызревания государственности у восточных славян принимали участие разные этносы — «остатки доскифского и ираноязычного населения, разные группы славян, иллиро-венетские и кельтическое население также нескольких потоков», но, главным образом, славяне и русь. При этом славянам и русам, обращал внимание Кузьмин, были свойственны разные формы организации.

Письменная история, отмечал ученый, застаёт восточных славян с четко действующей организацией управления, связанной с хозяйственно-экономическими задачами и выстроенной снизу вверх, путем делегирования, вплоть до высшей власти. Соединить восточных славян перед лицом нарастающей внешней угрозы как с юга (хазары, степь), так и с севера (норманны) смогла внешняя сила. В IX–X вв. этой силой стали русы или «род русский», включавший в себя разные этнические группы руси, выходцев прежде всего из Поднепровья, Подонья, Прибалтики и Подунавья. Заслуга Аполлона Григорьевича в разработке варяго-русского вопроса заключается не только в том, что он оказался прав в привязке варягов и варяжской Руси к Южной Балтике, населенной славянскими и славяноязычными народами, создавшими высокоразвитую цивилизацию, которой восхищались их соседи-германцы. Но и в том, что ученый своей критикой развенчал норманнскую теорию и показал, что, если повторить слова так чтимого им С.А. Геденова, «при догмате скандинавского начала Русского государства научная разработка древнейшей истории Руси немыслима». Правоту этих слов, сказанных еще в 60–70-х гг. XIX века, усердно доказывали доказывают норманисты всех времен — дореволюционные, «советские анти-норманисты», сегодняшние адепты «взвешенного и объективного норманизма» (по другому определению, научно-умеренного), благодаря которым в нашей истории вместо Руси появились «Скандославия» (филолог Д.С. Лихачев), «Восточно-Европейская Нормандия» (историк Р.Г. Скрынников), «Нормандия» в Новгородской земле (археолог Е.Н. Носов).

Творчество А.Г. Кузьмина далеко не исчерпывается рассмотренными направлениями его научной деятельности, в свете которых в совершенно другом свете предстает начальная история Руси. Так, он выдвинул принципиально иную версию крещения Руси, в которой Византии нет места, а на передний план выходят кирилло-мефодиевская традиция, арианство и ирландская церковь, убедительно отстаивал подлинность «Слова о полку Игореве» и «татищевских известий» в «Истории Российской с самых древнейших времен» В.Н. Татищева.

Наблюдения В.В. Фомина об особенностях исследовательского подчёрка А.Г. Кузьмина были дополнены в докладе Г.Р. Наумовой, которая, в частности, отметила: «Общеизвестно, что историческая наука среди других своих функций, функциональных обязанностей имеет и обязанность хранить историческую память народа, или социальную память. Это одна из самых сложных функций исторической науки. В XX веке она была практически свернута. Историки, стремившиеся реанимировать эту функций исторической науки, искали исторические источники, которые могут позволить историкам понять основные смыслы этого народного взгляда на историю. Это значило

продолжить линию, хорошо нам известную по творчеству В.О. Ключевского, оценивавшего значение поэзии А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова для понимания исторического облика народа, для характеристики его духовных, нравственных свойств. Не мыслил В.О. Ключевский отечественную историческую науку будущего и без трактовки тех социальных типов, которые были преподнесены русской классической литературой».

Исторической науке XX века известны такие парности между историками и поэтами. Так, Б.А. Рыбаков хорошо знал и исследовал творческое наследие А.А. Блока. Университетский историк В.А. Вдовин был уникальным знатоком поэзии нашего «абсолютного гения» С.А. Есенина, и так далее. Ключ к использованию поэзии как исторического источника — в понимании самого смысла этого источника, и здесь скрыты многие тайны творчества, влияющие на конечный потенциал наследия того или иного художника.

В самом деле, ведь и писатель, и поэт может трудиться в рамках социального заказа как минимум трех типов. Но самый сложный, самый невыгодный с точки зрения культурной ренты социальный заказ — это тот заказ, который определяется связью души художника и души народа, когда художнику открывается замысел Бога о народе. Именно эти художники и есть национальные гении, или, по терминологии А.Н. Толстого, «абсолютные гении».

Аполлон Григорьевич Кузьмин, выдающийся русский историк, был открыт национальному художественному гению. У него был любимый поэт. Особую страницу его научного творчества составила научная интерпретация творчества Николая Рубцова. Это не было простое цитирование, это было прямое сопереживание, покоящееся на убеждении, что Николай Рубцов в своей поэзии выразил духовно-нравственное настроение русских людей второй половины XX века.

А.Г. Кузьмин был убежден, что поэзия, в том числе поэзия Николая Рубцова, дает историку материал для понимания определенной эпохи, и для расширения методологических средств понимания истории. Боль и тревоги поэта А.Г. Кузьмин интерпретировал как боль народа. Он часто цитировал стихи Николая Рубцова и исполнял романсы на эти стихи.

В поэзии поэта он искал объяснение того, почему его Отчизна задремала. Он считал, что именно в этой дремоте — истоки трагедии Отечества в конце XX века».

В докладе д.и.н., профессора кафедры новейшей отечественной истории МПГУ В.Ж. Цветкова освещались особенности изучения аграрной истории России начала XX века в трудах другого выдающегося ученого исторического факультета МПГУ — Э.М. Щагина. В частности, В.Ж. Цвекот отметил, что «научное наследие Э.М. Щагина весьма показательным именно в отношении комплексного подхода к изучению проблем российской деревни».

В конце 1980-х – 1990-е годы Э.М. Щагин обратился к изучению вопросов формирования научной школы ученых аграрников. Это было время «возвращения имен», восстановления авторитета забытых российских ученых — Н.Д. Кондратьева и А.В. Чаянова, необоснованно репрессированных по делу

т.н. «Трудовой крестьянской партии» (ТКП). Еще один немаловажный аспект в изучении российской аграрно-крестьянской истории начала прошлого столетия — судьбы крестьянства, перспективы реализации реформаторского курса П.А. Столыпина. Не секрет, что для многих историков и, в гораздо большей степени, исторических публицистов 1990-х годов столыпинская реформа представлялась едва ли не единственной панацеей от всех реальных и мнимых проблем российской действительности. Однако подобным эмоциональным оценкам и выводам явно не хватало фактической обоснованности. Э.М. Щагиным были проведены исследования, касавшиеся как экономических показателей крестьянских хозяйств, так и (что более важно) динамики изменения основных производственных параметров реформируемой деревни. Это позволило ученому сделать вывод о значительных перспективах в развитии российского крестьянства на пути реформ П.А. Столыпина, о большом потенциале проводимых аграрных преобразований. Здесь внимание Э.М. Щагина привлекал, в частности, масштаб роста крестьянских производственных и торгово-сбытовых кооперативов. Тем не менее, Э.М. Щагин отнюдь не преуменьшал тех проблем, которые неизбежно возникали в ходе развития отечественной деревни в начале XX века. И в числе их он выделял социально-политический контекст эпохи, в первую очередь, обращал внимание на фактор начала Первой мировой войны как решающий для судьбы столыпинской реформы.

В последние годы своей богатой научной биографии Э.М. Щагин уделял внимание проблематике коллективизации и, в частности, степени готовности советского сельского хозяйства к Великой Отечественной войне. Им был сделан вывод о существенном вкладе советских колхозов и совхозов в обеспечение фронта и тыла сельскохозяйственным сырьем и готовой продукцией. Вопреки расхожим утверждениям о порочности всего «колхозного строя», ученый доказал, что в условиях мобилизационной экономики именно колхозная организация позволила решить многие проблемы снабжения, хотя и экономические издержки, подобной системы были велики».

Выводы В.И. Цветкова были поддержаны и подкреплены новыми аргументами в выступлении д.и.н. профессора Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых Е.М. Петровичевой: «Размышляя о судьбе Столыпинской аграрной реформы, Э.М. Щагин справедливо отмечал, что критиками ее были представители большинства российских политических партий — от кадетов справа, до большевиков слева. В связи с этим встает вопрос, как отнеслась к реформе земская общественность, ведь в земских собраниях было сильно влияние либералов и насчитывалось много “кадетствующих” гласных, а среди земских служащих были широко распространены неонароднические, социалистические взгляды».

Анализ журналов очередных земских собраний конца 1906 года свидетельствует, что первоначально земцы индифферентно отнеслись к указу П.А. Столыпина от 9 ноября. Большинство земств центральных губерний этот указ просто не заметили, как это было во Владимирской губернии. В тех земствах, где были распространены либеральные настроения, гласные резко

выступили против начатой аграрной реформы, как, например, в Буйском уездном земстве Костромской губернии.

В Тульской губернии председатель Епифанской уездной земской управы князь М.В. Голицын, находившийся под сильным политическим влиянием бывшего лидера этого земства князя Г.Е. Львова, выступил против Столыпинского указа и тормозил проведение аграрной реформы в Епифанском уезде. Гласные Рязанского губернского земства специально не обсуждали указ Столыпина на очередном собрании в декабре 1906 г., однако их отношение к этому вопросу косвенно проявилось в дискуссии, развернувшейся по поводу агрономического отделения, действовавшего при губернской земской управе.

Поначалу реформа не нашла поддержки и у т.н. «третьего элемента», в том числе у работавших при земских управах статистиков и агрономов.

Немало свидетельств о враждебном отношении и противодействии проведению Столыпинского указа со стороны земских служащих сохранились в агентурных сводках Департамента полиции.

Таким образом, на первом этапе проведения аграрной реформы правительству было сложно опереться на земские учреждения, которые весьма прохладно встретили ноябрьский указ 1906 г. Изменения в настроениях земской общественности произошли в конце 1909 – 1910-х годах, после того, как правительство Столыпина обратилось непосредственно к земствам, предложив сотрудничество в проведении аграрной реформы. Важно подчеркнуть, что власть практически согласилась с требованием земцев об агрономическом обслуживании крестьян-общинников, наряду с хуторянами и отрубниками. Это «растопило лед» в сердцах многих земских служащих, и начался рост «живого земского дела» в агрономической сфере в таких масштабах, каких не знала земская история никогда ранее.

Гибкий курс правительства П.А. Столыпина, которому удалось привлечь земства Центральной России к осуществлению реформы, привел к небывалому подъему агрономической работы на селе. Начиная с 1906 по 1909 годы земские ассигнования в эту сферу увеличились на 57,4%, а на втором этапе реформы — с 1909 по 1913 годы они выросли еще на 80%.

Таким образом, отношение земской общественности к аграрному курсу П.А. Столыпина было противоречивым, особенно поначалу. И все же следует признать, что правительство сумело привлечь земские силы и средства и склонить земскую общественность к осуществлению аграрных мероприятий. Трудно в полной мере согласиться с мнением о существовании реальной земской альтернативы правительственному курсу, ведь иного пути, кроме интенсификации сельскохозяйственного производства, у России не было. Именно на это была нацелена системная, широкомасштабная аграрная реформа, начатая правительством П.А. Столыпина, и на этом пути правительство — при существенной помощи земских учреждений — достигло в предвоенный период первых впечатляющих результатов, о чем писали в своих трудах В.Г. Тюкавкин и Э.М. Щагин.

Крестьянская тема обсуждалась и в выступлении доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН

И.В. Ружицкой: «Годы правления Александра I, как вообще вся первая половина XIX в., — это время активизации правительственной деятельности в отношении крепостного права, можно говорить о целенаправленном поиске путей переустройства существующих отношений между помещиками и их крестьянами и даже о реализации некоторых вариантов этого переустройства. Именно при Александре I были воплощены в жизнь три модели освобождения крестьян; их реализация в его царствование помогла следующему поколению законодателей определиться в выборе путей крестьянской “эмансипации”».

Первая модель — личное освобождение крестьян с наделением их земель в собственность за выкуп (единовременно или в рассрочку). Ее законодательным воплощением стал указ 20 февраля 1803 г. о свободных хлебопашцах, по которому помещики могли отпускать своих крестьян на волю с предоставлением им земельных наделов в собственность, при этом за личную свободу и за землю крестьяне должны были платить. В указе впервые был определен порядок отпуска крепостных на волю и сформулирован принцип крестьянской реформы — освобождение крестьян с землей за выкуп, а также прописан их юридический статус — они наделялись всеми гражданскими правами и становились свободными людьми.

На следующий день после выхода указа о свободных хлебопашцах были изданы «особые правила» по его реализации (21 февраля 1803 г.). В этом документе, помимо освобождения крестьян с наделением их земель в собственность, есть и положение о предоставлении им земли во владение за определенные повинности «по жизнь помещика или навсегда», т.е. положение о наследственной семейной аренде земли.

Ровно через год после издания указа о свободных хлебопашцах 20 февраля 1804 г. были изданы Положение для поселян Лифляндской губернии, декларирувавшее прикрепление ограниченно свободных крестьян к земле путем предоставления ее в семейное наследственное пользование, при этом крестьяне объявлялись прикрепленными к земле, а не к личности помещика, их запрещалось продавать, покупать и закладывать без земли. Это была вторая модель крестьянского освобождения и первый этап (или «волна») остзейской аграрной реформы, которую нельзя рассматривать лишь в региональном аспекте. Несмотря на то, что в Эстляндии, реформа была проведена с меньшей лояльностью по отношению к крестьянам, чем в Лифляндии, именно эстляндское дворянство сразу начало борьбу против реализации Положения 1804 г. Еще до начала войны 1812 г. оно добилось согласия монарха на его пересмотр. 23 мая 1816 г. в Эстляндии началась реализация третьей, самой невыгодной для крестьян, модели освобождения — без земли. Был дан старт второму этапу остзейской реформы: 1816–1819 гг.

Бесперспективность и ошибочность подобного сценария были признаны только в конце 1830-х гг., когда на официальном уровне пришло понимание, что «безземельное освобождение хуже, чем крепостное право». Оптимальным вариантом «крестьянской эмансипации» в конце 1830-х гг. было признано личное освобождение крепостных и превращение их в наследственных арен-

даторов помещичьей земли. Налицо сценарий «особых правил» 21 февраля 1803 г. и остзейских преобразований 1804–1805 годов! Такое освобождение рассматривалось как первый этап реформы, предусматривавшей в отдаленной перспективе выкуп крестьянами арендуемых наделов.

В связи с отказом от безземельного освобождения крестьян, в 1839 г. был создан секретный Комитет (функционировал до 1842 г.) для пересмотра положения указа 1803 г. об обязательном выделении свободным хлебопашцам помещичьей земли в собственность, поскольку на практике это положение останавливало землевладельцев, желавших освободить своих крестьян. Однако попытка П.Д. Киселева, согласованная с Николаем I, поставить процесс превращения крепостных в лично свободных наследственных арендаторов помещичьей земли под контроль государства в Комитете успеха не имела. План министра государственных имуществ был подвергнут там резкой критике и встретил ожесточенное сопротивление. Киселев вынужден был отказаться от первоначального замысла — законодательного нормирования наделов и повинностей обязанных крестьян, т.е. проведения инвентарной реформы, и убрать всякое упоминание об их личной свободе.

В итоге появился указ 2 апреля 1842 г. об обязанных крестьянах, носивший рекомендательный характер и совершенно не походивший на планируемый первоначально закон. Он воплотил в себе идею договорного пользования земельным надделом за отработываемые повинности, предоставив определение конкретных условий добровольному соглашению сторон.

Договорное пользование крестьянами землей помещиков, декларированное в указе об обязанных крестьянах, — ничто иное, как «облегченный» вариант прибалтийской реформы 1804–1805 гг.

Закон 2 апреля 1842 г. сыграл важную роль в формулировании теоретических основ освобождения: «по умолчанию» он предполагал предоставление личной свободы крестьянам без выкупа и определял механизм их перехода из крепостного состояния, существенно отличавшийся от процедуры освобождения по закону 1803 г. об свободных хлебопашцах. Недаром при обсуждении в Государственном совете Положений о выходе крестьян из крепостной зависимости 28 января 1861 г., Александр II, сетуя на неуспех закона 1842 г., заявил, что его успешная реализация «тогда же» «во многом облегчила бы настоящее преобразование».

Как не оценивать указ об обязанных крестьянах, принципиально важным представляется тот факт, что был найден оптимальный путь проведения аграрной реформы, при котором и овцы оставались целы, и волки сыты: помещики сохраняли собственность на землю, а крестьяне получали ее в пользование или, по терминологии 1830–1840-х гг., в оброчное содержание, с перспективой в отдаленном будущем непрямого превращения надела в собственность.

Прибалтика стала экспериментальным полем для «репетиции» крестьянской реформы в Российской империи, с аграрных преобразований в этом регионе началось ее «поэтапное проведение». На территории Остзейских губерний были опробованы, по крайней мере, две модели или два варианта осво-

бождения. Один из них — безземельный — был отвергнут, поскольку не оправдал надежд ни власти, ни дворянства. Вариант «свободных хлебопашцев» к этому времени был отодвинут в отдаленное будущее. Таким образом две модели освобождения были забракованы или признаны несвоевременными. Зато в копилку опыта была положена концепция реформы, попытка реализации которой была предпринята в 1804–1805 гг., в 1849 и 1856 гг. в Лифляндии и Эстляндии, и внедрение которой в имения великорусских губерний сорвалось в 1842 г.

Между тем, надо признать, что изданное в 1856 г. Положение для Эстляндии встретило непонимание эстонских крестьян, которые надеялись на то, что получают землю в собственность, а не в пользование. В регионе начались выступления земледельцев, переросшие в крестьянскую войну, охватившую всю губернию. Констатация этого факта важна еще и потому, что на начальном этапе подготовки крестьянской реформы 1861 г. остзейский путь аграрных преобразований рассматривался как наиболее оптимальный.

В результате к осени 1858 г. был пересмотрен подход к общеимперской аграрной реформе: вариант С.С. Ланского – А.И. Левшина, рассматривавший прибалтийский вариант как основной, был заменен вариантом Н.А. Милютина, предусматривавшим выкуп крестьянами их наделов в собственность. Именно с этого момента меняется концепция реформы: ее конечной целью провозглашается превращение крестьян в собственников земли и самостоятельных хозяев».

Основополагающие проблемы истории России конца XIX — начала XX века неразрывно связаны с изучением кооперативного движения. Эти вопросы были рассмотрены в докладе доктора исторических наук, профессора Волгоградского государственного социально-педагогического университета Е.Ю. Болотовой. В частности, исследователь отметила, что «история российского кооперативного движения во всем многообразии его форм и деятельности находится в поле зрения исследователей уже более ста лет. Попытки адаптации исторического опыта кооперации к реалиям уже современного развития России (второй половины 1980-х и последующих лет) побуждали исследователей — историков, юристов, экономистов — обращаться к истории кооперации как феномену экономической и общественной жизни».

Начало современному этапу изучения дореволюционной кооперации положила «перестройка», развернувшаяся в середине 1980-х гг., когда о кооперации заговорили как об универсальном средстве реформирования и оживления экономики, необходимом для «высвобождения творческой энергии народа».

В конце 1980-х и 1990-е гг. были защищены кандидатские и докторские диссертации по ряду аспектов кооперативного движения. В центре внимания ученых оказались вопросы взаимоотношений крестьянской общины и кооперации, власти и кооперации, общественно-политической деятельности кооперативных учреждений и их лидеров.

Стремление ученых включать проблемы развития кооперативного движения в контекст исследований, имеющих более общее содержание — на-

пример, реформаторского и революционного путей модернизации страны в конце XIX–XX вв., российского менталитета, получило развитие в историографии 2000-х гг. Исследователи писали о том, что «архетип гражданского общества заложен в культурном коде российской цивилизации» и что уже в конце XIX – начале XX века были очевидны тенденции формирования его в России. Таким образом, шли поиски обоснования возможности создания эффективно действующей национальной модели гражданского общества.

Исследование кооперативного движения в данном направлении, с одной стороны, стимулировала обстановка, складывавшаяся в современной (постсоветской) России. С другой стороны, серьезное влияние на ученых оказывали те оценки отечественной кооперации, которые ей давались в трудах столетней давности, авторов начала XX века. В них находили характеристики, которые отвечали критериям разрабатывавшегося концепта «гражданское общество».

В этом контексте представляют интерес работы Ким Чан Чжина и А.В. Лубкова. Ким Чан Чжин говорит о кооперации как попытке формирования гражданского общества на основе социализации личных экономических интересов широких масс, но проблема обозначена исследователем тезисно.

А.В. Лубков, проанализировав процесс кооперативного строительства в Центральной России и разные направления кооперативной деятельности на широком документальном материале, пришел к выводу, что реальный кооперативный опыт при всей его неоднозначности все же вселял надежду на успешное продвижение от традиционного общества к обществу гражданскому.

Особое внимание А.В. Лубков уделил анализу идеологии русской кооперации. Именно в ней, пишет автор, «как нельзя лучше прослеживается характер кооперативного движения, синтез духовного и материального начал в человеке, скрытый потенциал подлинного творчества масс и самореализации личности и их самоограничения».

Ученик А.В. Лубкова — А.В. Иванов отмечает, что гражданское общество имеет «пространственное измерение», и «степень развитости гражданских институтов и отношений, как правило, отличается в центре и на периферии». Усвоение «уроков сибирской кооперации» приводит автора к выводу о том, что в дореволюционный период кооперация «сумела стать существенным компонентом в процессе обновления сибирского региона и формирования институциональных элементов гражданского общества».

Новые для историографии кооперативного движения акценты активизировали исследовательский интерес, нацелили на поиск новых ракурсов при изучении кооперативного опыта. Так, автором этой статьи в начале 2000-х гг. изучение истории потребительской кооперации было предпринято сквозь призму общественного и государственного влияния на развитие ее системы, содержания и направленности кооперативной деятельности. Потребительская кооперация начала XX века была рассмотрена как система, способная к саморазвитию и самоорганизации. Результаты исследования позволили сделать вывод о том, что кооперация, с одной стороны, являлась одним из факторов формирования элементов гражданского общества в России, а с другой — она может рассматриваться как один из элементов этого общества.

Данные подходы не остались незамеченными в науке. Серьезным вкладом в развитие историографии стал выход в 2009 г. обобщающей работы А.П. Корелина — ученого, много лет занимавшегося изучением разных аспектов кооперативного движения в России конца XIX — начала XX века.

Автор рассматривает кооперацию на всех этапах ее дореволюционного периода как важный фактор модернизации условий труда среднего и мелкого производителя, как средство воспитания предприимчивости и самостоятельности населения, повышения его культурного и политико-правового уровня.

Весомый вклад в разработку проблем отечественной кооперации и ее характеристик в контексте модернизационных процессов и «в дискурсе гражданского общества» на примере городской потребительской кооперации Сибири внесла Г.М. Запорожченко. Автор выходит на новый уровень теоретического осмысления богатого кооперативного опыта и придает ему современное научное звучание и практический смысл. Исследуя широкий круг источников, автор приходит к выводу, что потребительские кооперативы способствовали формированию гражданской и индивидуальной идентичности личности, преодолевающей патерналистские ожидания, способной к сотрудничеству и самопомощи.

В центре историографического пространства в 2000-е гг. оказались региональные аспекты истории кооперации, которые исследователи рассматривают в контексте общероссийского кооперативного движения. Регионы в истории дореволюционной кооперации представлены широко и охватывают большую часть территории России. Наибольшее число исследований посвящено Сибирской и Дальневосточной кооперации.

В отечественной историографии сложилась практика исследования отдельных видов кооперации — преимущественно, кредитной, потребительской, сельскохозяйственной. Но сегодня авторы в качестве предмета исследования начинают рассматривать отдельные направления в работе кооперативов: предпринимательство и развитие собственного производства, издательская деятельность, различные аспекты общественной, благотворительной, культурно-просветительской деятельности. Кооперация и движение в целом рассматриваются сквозь призму деятельности ее лидеров — вдохновителей, теоретиков и практиков. Данное направление исследования требует своего продолжения. Оно связано с выявлением и введением в научный оборот новых источников, а также разработкой методов их обработки.

Совокупность исследований, осуществленных на рубеже XX–XXI вв., — результат большого труда. Они не только дают примеры следования подходам, сложившимся в историографии кооперации в предыдущий период, но и открывают новые направления научного поиска, расширяют проблемно-тематическое поле и дают основания для более глубоких характеристик и обоснованных оценок российской кооперации и ее роли в жизни страны.

В завершении пленарного заседания прозвучал доклад доцента МГУ им. М.В. Ломоносова Л.Н. Вдовиной, посвященный проблемам формирования и эволюции понятий «Отечество» и «подданный» в русской политической

культуре XVIII века. В частности, отмечалось, что «в изучаемый период наряду с наименованиями „Российское государство“ и „Всероссийская империя“ полноправное место занимает топоним „Россия“, с которым сочетается понятие „Отечество“, „Отечество Россия“, „российское Отечество“. В Средневековье понятие «отечество» имело несколько значений — отцовство; родовое владение (отчина, вотчина); происхождение, рождение; родовитость (служилые люди по отчеству); родовой клан, семья. Употребляется это слово и в отношении родной земли и государства. Призыв постоять «за православную веру, святую Церковь, за Отечество свое и достояние» набатно звучит в Смутное время, когда под угрозой оказалась государственная целостность и независимость России.

В Петровское время с утверждением абсолютизма государственное начало безраздельно господствует как в имперской идеологии, так и в общественном сознании. На смену средневековой парадигме: царь служит Богу, а народ — государю, приходит новая идея: и царь, и его подданные служат «общему благу» государства Российского. Идея служения государству распространяется на самого абсолютного монарха, с акцентом сильной персонификации власти. Официальная политическая доктрина исходила из того, что Отечество — это государство, воплощенное в личности и воле монарха.

С понятием Отечество неразрывно связано понятие — сын Отечества. С Отечеством для человека XVIII века прежде всего ассоциировалось место его рождения и воспитания, милая сердцу Родина. Но границы Отечества постепенно раздвигаются от милого уголка, от родной усадьбы до пределов государства Российского, становятся нерасторжимыми с его историческим прошлым. Отечество начинает отождествляться с определенной территорией и исторически сложившейся на ней общностью населения. Постепенно выработывается представление «мы — россияне».

Понятиями «подданство», «подданный», заимствованные в XVII веке из польского языка, определялся правовой статус человека по отношению к монарху. Подданство, независимо от сословной принадлежности, означало полное подчинение государю, который находился на вершине государственного Олимпа. Исследователи обращали внимание на то, что понятие «раб» не носило уничижительного значения; оно скорее приближалось к формуле «покорнейший слуга». Высказывалось мнение, что выбор слова «раб» в качестве наименования всех подданных был сделан Петром под влиянием теоретиков естественного права Гроция, Гоббса, Пуффендорфа.

Представляется, что не учитывается еще один важный момент. Русскому православному человеку понятие «раб Божий» было хорошо знакомо. Обращаясь в каждодневных молитвах к Богу, верующий называет себя его рабом, с многочисленными эпитетами — непотребный, окаянный, недостойный, унылый, грешный, убогий. В ситуации, когда Петр фактически оказался во главе Церкви, сам Бог велел называть православным людям себя его рабами. По мере усложнения представлений о подданстве, связанных с вхождением населения присоединяемых к России земель, меняется подпись просителей. Указом от 19 февраля 1786 г. в документах, адресованных императрице

це, формула «раб» была заменена на «верный подданный (верноподданный), всеподданнейший», что означало новое делопроизводственное оформление отношений власти и подданных. Замена слова «раб» на «верноподданный» в официальных документах после Жалованных грамот 1785 г. была демонстрацией отношения власти к «благородному» дворянскому сословию и к «среднего рода людям».

Для оценки политической культуры важно понятие «патриотизм». Это слово вошло в русский язык в 1717 г., когда было употреблено П.П. Шафировым в сочинении «Рассуждение о причинах Свейской войны». Вызывает интерес один из каналов распространения этого понятия. В России в первой четверти XVIII века писали преимущественно на голландской бумаге. Одной из распространенных филиграней был знак «Pro patria» («За родину»), изображающий сидящую на ограде женскую фигуру со скипетром в руках, посылающую в бой льва с мечом. Этот знак в искаженном виде встречается и на бумаге русского производства.

Разумеется, сравнительно позднее появление слова «патриотизм» в русском языке не означает, что не существовало самого чувства любви к родной земле, к Отечеству. Отсутствие современного вербального обозначения явления еще не значит отсутствия явления как такового. Исторически патриотизм значительно старше, чем народность, нация, национализм. Патриотизм является помимо всего прочего, конкретно-историческим, эмоционально окрашенным понятием, неотделимым от понятия «Отечество». Слова «патриот» и «истинный сын Отечества» выступали как синонимы.

Исторический анализ содержания важнейших понятий политической культуры XVIII века показывает сложный спектр сочетания государственного, общественного и частного, личного. Создание имперской общности опиралось как на идеологические мифологемы и правительственную риторику, так и на эмоциональное выражение чувств, отразившихся в произведениях общественной мысли и литературы.

*А.Б. Ананченко, Г.А. Артамонов, Е.Н. Болотова,
Л.Н. Вдовина, В.В. Маландин, Г.Р. Наумова, Е.М. Петровичева,
И.В. Ружицкая, В.В. Фомин, В.Ж. Цветков*